

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. / Гл. ред. 2-го изд. Горбачевич К.С. Ред. 1 т. Князькова Г.П. Т. 1: А—Б. М.: Русский язык, 1991. 864 с.

Словарь русского литературного языка в 17 томах (1950—1965) явился в свое время выдающимся событием в истории русской лексикографии. По своему объему (120 000 слов) он оказался самым крупным из толковых словарей литературного языка. Созданный группой выдающихся русских лингвистов, словарь дал пример современной лексикографической разработки, составив важный этап и в развитии теории отечественной лексикографии. Он послужил основой для составления целого ряда более специализированных словарей русского языка, к нему, естественно, обращались и составители больших двуязычных словарей в нашей стране. И тем не менее давно назрело его переиздание. Во-первых, первое издание было выпущено смехотворно малым для нашей страны тиражом (13—26 тыс. экземпляров, в зависимости от тома) и давно уже превратилось в библиографическую редкость, став недоступным даже для специалистов-филологов. Во-вторых, за прошедшие 30—40 лет со времени выхода первого издания (а это — время жизни целого поколения) в русском языке произошли заметные изменения, касающиеся как количества слов, так и сочетаемости, стилистических характеристик многих слов. И, наконец, в-третьих, за последние десятилетия теория и практика лексикографии, как в нашей стране, так и во всем мире, шагнула далеко вперед, и новые подходы должны быть отражены в современных словарях.

Собственно говоря, вопрос об издании нового переработанного варианта словаря встал почти что сразу после завершения первого издания, и уже в 1971 г. вышел Проспект нового академического словаря русского языка, многие из положений ко-

торого реализованы полностью или частично в рецензируемом издании.

Второе издание не является простым воспроизведением, хотя бы и расширенным, первого варианта. Конечно, читателя интересует прежде всего изменение объема словаря. Словник в целом увеличен на 10—15%. Хотя здесь мы сталкиваемся с некоторыми неясностями. Несомненно, что число новых слов, включенных в первый том, значительно превышает число исключенных лексических единиц, а между тем в первом издании указано, что I том (буквы А—Б) содержит 5989 слов, тогда как во втором издании сказано, что I том с теми же буквами охватывает 5314 слов. Но дело не в этом: изменению подвергся самый тип словаря, его направленность.

Словарь официально называется "Словарь современного русского литературного языка" (ССРЛЯ). В изменении общего типа словаря отражено изменение в понимании значений каждого из прилагательных, входящих в его название.

В течение долгого времени в отечественной лексикографической практике слишком тесно сближались понятия "литературный язык" и "язык художественной литературы". Поэтому в первом издании словаря тщательно фиксировались слова, представленные в сочинениях писателей-классиков, и в меньшей степени — научная лексика и терминология, лексика и обороты разговорной речи. Первое издание было перегружено литературными цитатами, которые подчас давали мало что ценного для уточнения значения и употребления соответствующих слов. Второе издание стремится сгладить эти недостатки, расширяя представление о литературном языке, который, помимо языка художественной литературы, включает обширные пласты общественно-политической, научно-технической, деловой и разговорной лексики. Поэтому также следует расценить положительно решение составителей второго издания отказаться от чрезмерного использования литературных

цитат, шире привлекать цитаты из научно-популярной литературы и, особенно, — умножить в словаре иллюстративные словосочетания и краткие составительские примеры, показывающие сочетаемость и употребление слов.

Далее, несколько изменилась во втором издании и трактовка понятия "современный язык". Первое издание замыслилось как "толково-исторический словарь", призванный охватить весь период, который в истории русского языка называется современным, т.е. от XVIII в. до наших дней, показать эволюцию значений слов при помощи цитат из произведений авторов разного времени. Однако здесь в отношении русского языка встает та же проблема, что и для других европейских языков с многовековой письменной традицией: период современного языка (от XVII—XVIII вв. до наших дней) неоднороден и делится на подпериоды. Более ранний из них в истории отдельных языков называется "классическим", поскольку это была эпоха становления и бурного развития литературного языка, формирования его нормы, которая отразилась в произведениях писателей-классиков. Более поздний, включающий и наши дни, характеризуется заметным отходом от классической нормы, более широким обращением к разговорной речи, использованием научно-технической лексики. (В истории некоторых языков последние полстолетия выделяются в отдельный подпериод.) В первом издании словаря слишком большое внимание уделялось раннему этапу, в новом издании русский язык представлен в более современном виде: много цитат из Сумарокова и других авторов допетровской эпохи, исключены многие слова, встречавшиеся у классиков, но утратившие свою актуальность. И, наконец, изменения коснулись и третьего прилагательного в названии словаря. В русской лексикографии была заметна традиция включать в словарь помельше заимствованных слов. Не только составители старого "Словаря Академии Российской" намеренно исключали из словаря многие заимствованные слова, употреблявшиеся на рубеже XVIII—XIX вв. в русском языке, но и Даль стремился найти заимствованным словам собственные русские замены. И в нашу эпоху заимствованным словам часто отводили место в энциклопедиях, в особых словарях иностранных слов, ограничивая их допуск в толковые словари. Отчасти это было связано с пониманием термина "литературный язык", о чем говорилось выше. Особенностью русского языка до последнего вре-

мени было то, что большая масса заимствованных слов оставалась в зоне специальной терминологии. За последние десятилетия ситуация заметно изменилась: в связи с расширением экономических и культурных контактов, усложнением повседневной жизни слова легче переходят из одного языка в другой, а специальная терминология все чаще приобретает статус общеупотребительных слов. Например, экономические преобразования, происходящие в нашей стране, вызвали приток в русский язык многих экономических, коммерческих, банковских терминов из иностранных языков. С другой стороны, например, во французских толковых словарях уже несколько лет фигурируют *pérestroïka* и *glasnost*, а еще раньше были включены *sputnik*, *apparatchik*, *nomenklatura*, *datcha* и др.

Новые слова, добавленные в словарь, относятся в основном к двум категориям: это терминологические и прочие заимствования из европейских языков (особенно, естественно, это заметно в букве А) и разговорная лексика. Среди первой категории: *акселерант*, *антироман*, *аболиционист*, *авангардизм*, *амбициозный*, обозначения чужеземных реалий: *ажан*, *абвер*, *бундесрат* и др. Значительно расширены серии продуктивных сложений с *анти-*, *авиа-*, *авто-* и др. Так, если в первом издании словаря было только 7 сложений с *авиа-*, то в новом их — 33 (в том числе *авиабилет*, *авиабомба*, *авиадесант* и др.). Значительно увеличилось также ряды слов, образованных по продуктивным моделям, например, слова с преф. *без-*. Среди добавленных слов разговорной речи *авоська* и др.

Достоинства нового варианта словаря особенно видны и в организации самих словарных статей. Многие статьи, особенно большие гнезда, удачно переработаны, значения в большей степени расчленены, то, что в первом издании было представлено как употребление или оттенок значения слова, выделено в качестве особого значения. Например, слово *беспокойный* получило шесть значений вместо двух, весьма удачно пересмотрен глагол *бегать* и многие другие большие статьи словаря. Эти преобразования обоснованы, они позволяют читателю лучше охватить семантическую структуру слова. Весьма положительным моментом является выделение внутри ряда статей устойчивых предложных оборотов: *по ассоциации*, *вставать по будильнику* и т.п., значительно расширен показ сочетаемости слов.

Обращают на себя внимание и положи-

тельные изменения в оформлении материала. К ним относится прежде всего решение начинать новое значение слова с красной строки. В прежнем издании этого не было, в нем было трудно разбираться, особенно когда речь шла о больших статьях.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что новый вариант словаря несомненно является более современным и более совершенным по сравнению с прежним изданием. Вместе с тем представляется целесообразным обсудить некоторые вопросы, касающиеся словаря подобного объема и типа.

Прежде всего это касается состава словника, который, как представляется, должен быть обширным (в разумных пределах), включать специальную лексику из разных отраслей науки, техники, искусства, особенно ту, что встречается в печати, в популярных изданиях. Современный человек вынужден значительно шире, чем его предшественники, знакомиться с медицинской терминологией, с лексикой различных сфер науки и техники. Некоторые отрасли терминологии традиционно плохо представлены в наших толковых словарях, в частности терминология экономическая, юридическая, относящаяся к искусству, к религии. Мы не находим в словаре таких слов, как *абстиненция* (термин, получивший дополнительную известность в связи с проблемой наркомании), *антиматерия*, *театр абсурда*, *австралопитек*, *антропоген* и *антропогеновый* (чтобы не смешивать с *антропогенный*, представленным в словаре), *андрология*, *андролог*, *автокефальный*, *аллопластика*, (информ.) *байт* и др.; почему-то отсутствуют *автокатастрофа* и *авиакатастрофа*, *авиасалон*, *авиалайнер* и ряд других слов, реально употребляющихся в речи и присутствующих в "Сводном словаре современной русской лексики".

Сочетаемость слов в данном издании значительно расширена, но желательно в словарях подобного рода как можно шире отражать словосочетания, показывающие разновидность объекта, о котором идет речь, действия, производимые с ним. Так, при слове *брак* можно было бы дать *неравный брак*, *морганатический брак*, *фиктивный брак* (если нужно — со ссылкой на прилагательное). При слове *аванс* есть *получать аванс*, но нет других глаголов-операторов, с помощью которых выражаются различные диатезы данного действия: *выдавать аванс*, *брать аванс* (в лучшем случае их можно выловить из примеров, но было бы полезно приводить сразу всю парадигму словосочетаний). При слове *аппетит* есть *терять аппетит*,

перебивать аппетит, но нет *возбуждать, вызывать, испортить аппетит*. Хотелось еще раз подчеркнуть, что в подобных случаях полезно давать при значении слова весь характерный набор словосочетаний, не уповая на примеры, которые неизбежно имеют выборочный характер.

В словаре отсутствуют некоторые терминологические сочетания: *быстрое реагирование*, *бинарное оружие*, *звуковой барьер*, а также фразеологизмы разговорной речи: *сущий ад*, *ангел во плоти*, *не ахти* (есть в словаре *не ахти какой*, но *не ахти* употребляется эллиптически в предикативной функции), *невинный барашек*, *беда да и только*, *талантом не блещет*, *ни бэ ни мэ*, *наших бьют*, *по боку* и другие. Было бы полезно дать выражения, восходящие к литературным и историческим реминисценциям: *дантов ад*, *бочка Диогена*, *агнец божий* (есть просто *агнец*), *болдинская осень* (о периоде творческого подъема). Нередко слово приобретает известность благодаря своему переносному употреблению: в прямом значении оно относится к определенной сфере науки, в то время как в фигуральном употреблении используется значительно шире. Так, слово *айсберг* в прямом значении можно встретить лишь в географических описаниях, тогда как выражение *это лишь верхушка айсберга* может быть употреблено в переносном значении в более широком круге контекстов. К сожалению, подобные употребительные переносные значения слова не всегда фиксируются в словаре. Например, *бумеранг* в значении "неприятность, возвращающаяся к ее инициатору" (в словаре Ожегова этот оттенок фиксируется), *апокалипсис* (катастрофа мирового масштаба), *буксовать* (например, *реформа буксует*), *появляющаяся болезнь* (в переносном значении), *банановая республика* и т.п.

Сложную проблему в русской лексикографии представляет собой показ соотношения между видовыми формами глагола. Утвердилась традиция представлять совершенный и несовершенный виды глагола как отдельные слова, в особых статьях, с обязательной отсылкой на противоположную видовую форму. Например, при глаголах *побить*, *пробить*, *разбить* даются отсылки на соответствующие значения глагола несовершенного вида *бить*. Однако Словарь русского языка в 4-х томах (МАС) и словарь Ожегова у соответствующего значения глагола *бить* указывают соотносительную форму совершенного вида. Этой обратной отсылки нет в ССРЛЯ, что, конечно, значительно обедняет представление

о соотносительности видов глагола в словаре. Также нет указаний на то, что к глаголу *бередить* перфективным коррелятом является *разбередить*, к *будить* — *пробудить* или *разбудить* и т.п.

Рецензируемый словарь задуман как нормативный, и действительно он дает огромный материал, касающийся лексико-грамматической нормы современного русского языка. Нормативные указания представлены в виде грамматических помет или специально отмечаются в справочном разделе словарной статьи. Нормативный характер словаря значительно усилен при его переработке. Введено много новых комментариев, касающихся нормы, например, возможная форма род падежа мн. числа в разговорной речи: *баклажан*, *апельсин*. Проведено более тонкое, чем в первом издании, различие между вариантами слова с точки зрения их приоритетности, многие ненормативные написания устранены вообще или сопровождаются особой пометой. К сожалению, в отдельных случаях нормативных помет недостает. Так, не отмечена возможность различного согласования существительного, образующего сочетание со словом *большинство*. Имеются неясности в отношении существительных общего рода. Слова *брюзга* и *бестия* имеют одинаковые пометы *м.* и *ж.* Однако это весьма разные явления. Слово *брюзга* действительно и в семантическом и в грамматическом отношении принадлежит к словам общего рода: можно сказать *этот* и *эта брюзга*. Слово же *бестия* грамматически всегда жен. рода, хотя сплошь и рядом применяется к лицам мужского пола: можно сказать *эта бестия*, но не *этот бестия*, подобно тому как *эта гадина* (о мужчине), но не *этот гадина*. Поэтому прав, как представляется, МАС, который отмечает слово *бестия* как слово жен. рода только. К сожалению, в словаре не дается указаний относительно произношения слов (например *адекватный* [дэ], *адепт* [дэ] и т.п.), что делается в словаре Ожегова.

Помимо нормативных указаний справочный раздел статьи словаря содержит данные о датировании слова и этимологическую справку. Что касается датирования, то отмечается лишь первая фиксация слова в словарях, а не в текстах, хотя во многих академических словарях европейских языков отмечается год или век первого упоминания данной единицы в текстах. Так, в ССРЛЯ мы читаем, что слово *бег* впервые зафиксировано в "Материалах" Срезневского, но в каком веке оно впервые появилось в тексте, остается неясным. Возможно, после

завершения издания словаря XI—XVII вв. и других словарей ранних периодов истории русского языка окажется возможным давать более точные сведения.

Этимологические справки — необходимый элемент большого национального толкового словаря. Они способствуют усвоению значения слова, разъясняя его этимон, а также повышению общего культурного и филологического уровня читателя. В ССРЛЯ этимологические справки даются только к заимствованиям. Между тем было бы небезынтересно показывать словообразовательные связи собственно русских слов или заимствований из старославянского там, где они не очевидны, например: *бдеть* — тот же корень, что у *будить*, *бодрствовать*; *брод* — тот же корень, что у *брести*, *барин* — тот же корень, что у *боярин* и т.д.

Этимологические справки в словаре имеют тройкий характер: а) указывается только язык, из которого взято слово (если значение этимона то же или неясно); б) указывается язык и слово, послужившее источником для русской лексемы; в) указывается значение исходного слова, иногда глубинный этимон и этимологическая цепочка, если данная лексема переходила из одного языка в другой. Установление этимологии и ее отражение в словаре сталкивается с трудностями, если заимствование проходит через ряд языков, прежде чем попасть в русский. Какой язык при этом указывать в качестве источника: последний, из которого пришло слово, или первый, где оно возникло? В этом отношении в словаре нет единства. Например, при слове аббревиатура говорится: итал. *abbreviatura* от лат. *abbreviare* "сокращать", т.е. приводится вся цепочка и значение глубинного этимона. Но об *алькове* сказано только, что оно происходит от франц. *alcôve* без указания на то, что через исп. *alcoba* оно восходит к араб. *al-qubba* "сводчатое помещение" (эта справка была в первом издании). Или для *абрикос* дается цепочка: франц. — нидерл. — нем., тогда как она иная: нидерл. *abrikoos* — франц. — португ. — араб. — греч. — лат. *praeco* "скороспелый". В ряде случаев этимологические справки объединены по сравнению с первым изданием. Например, в первом издании к слову *абажур* отмечалось, что его французский прототип *abat-jour* происходит от *battre* "сбивать вниз" и *jour* "свет". Теперь эта мотивация устранена. В некоторых случаях имеются этимологические ошибки и опечатки. *Агентура* не может восходить к франц. *agence*, поскольку такого слова в этом языке

ниг и не было; *аванпорт* восходят не к франц. *porte*, а к *port* "порт"; *porte* это "дверь"; *буклет* не имеет отношения к франц. *bouclette* "завитушка", а происходит от англ. *booklet* "книжечка" (огметим, что эта досадная ошибка фигурирует и в МАС, и в "Словаре иностранных слов").

Но все эти частные замечания не должны позволить забыть о том, что новое издание

ССРЛЯ представляет собой замечательный лексикографический труд, самый полный свод толкуемой русской лексики, достойное отражение лексического состава русского языка за два последних столетия. Этому словарю суждена долгая жизнь, его будут использовать и учитывать при составлении любого серьезного словаря русского языка.

Гак В.Г.

Ковтун Л.С. Азбуковники XVI—XVII вв.: старшая разновидность. Л., 1989. 296 с

Birgegård U. Johan Gabriel Sparwenfeld and the lexicon Slavonicum: his contribution to the 17th century Slavonic lexicography. Uppsala, 1985, 160 p.

Sparwenfeld J.G. Lexicon Slavonicum / Ed and commented by Birgegård U.V. I: A—U. Uppsala, 1987, 511 p. V. II: K—O. Uppsala, 1988, 349 p.; V. III: P—R. Uppsala, 1989, 271 p.; V. IV: C—V. Uppsala, 1990, 353 p.

Лексикография у восточных славян появилась вместе с христианской письменностью. Первоначально ее характер определялся традиционными для христианской византийской литературы формами, ибо зависел от известного круга источников: *Опота саста* Евсевия Кесарийского, глоссы и схолии греческих сочинений, служивших оригиналами для славянских переводов, толкования на св. Писание и на сочинения отцов церкви, из которых можно было извлечь краткие определения слов и толкования явлений. Затем прибавились и собственно славянские источники, основанные на лексическом варьировании при передаче одной и той же греческой лексики в разных переводческих школах, а также греко-славянские разговорники, отвечавшие потребностям образования и взаимодействия культур. В XVI в. Максим Грек познакомил восточнославянскую письменность с лексиконом Сниды — крупнейшим византийским собранием схолий.

Исторический путь восточнославянской лексикографии обследован Л.С. Ковтуном в многочисленных статьях и нескольких книгах (см. [1—3]), являющихся ценным приобретением славяно-русского исторического источниковедения. Его новый труд целиком посвящен Азбуковнику — лексикографической форме, появившейся в середине XVI в. и вытеснившей в следующем столетии старшие лексикографические жанры — ономас-

тикины, приточки, разговорники и словари славяно-русские (под этим названием скрываются многочисленные разновидности притекстовых или получивших независимое хождение филологических словарей-глоссариев). Как и предыдущие работы Л.С. Ковтуна, книга содержит не только исследование, но и публикацию исследуемого источника, причем на текст с аппаратом к нему приходится большая часть книги (с. 126—294).

Для Азбуковника характерны следующие внешние признаки: алфавитное расположение статей и универсальность содержания. Первая черта отвечает значительно возросшему объему этой лексикографической формы, вторая связана с использованием в качестве источников всех ранее сложившихся лексикографических жанров. Вследствие второго обстоятельства по содержанию азбуковник представляет собою как бы сумму словарей старшего периода. Но составители азбуковника использовали источники и другого рода — прежде всего разнообразие глоссированные тексты. Так, например, Геннадиевская библия 1499 г. дала громадный материал латино-славянских соответствий, собранных с ее полей,

Ср.: "есѡир ВІ. деласно, пронось речей" (с. 180) и запись на поле Ген. библии, л. 354, против стиха Есфирь 12.5 — "дѣдасно естъ пронось рѣчей"; "прмдрос 3. дисертусъ, достроченъ" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 448об, *достроченъ*, которая относится к латинизму в тексте Прем. 7.22 *дисертусъ*; "прмдрос. АІ. диссимулаъ, грѣхъ челоуѣкомъ" (с. 180) и глоссу в Ген. библии, л. 454, *дисимулаъ*, которая относится к глаголу *представляеши* (Прем. 11.25), но ошибке отнесена к следующему далее словам *грѣхъ чѣлоуѣкомъ*. Ошибка совершена тем лицом, которое делало выборку глосс для их лексикографического применения.

В свое время Л.С. Ковтун выявила приемы филологической обработки глоссированного текста при составлении руко-